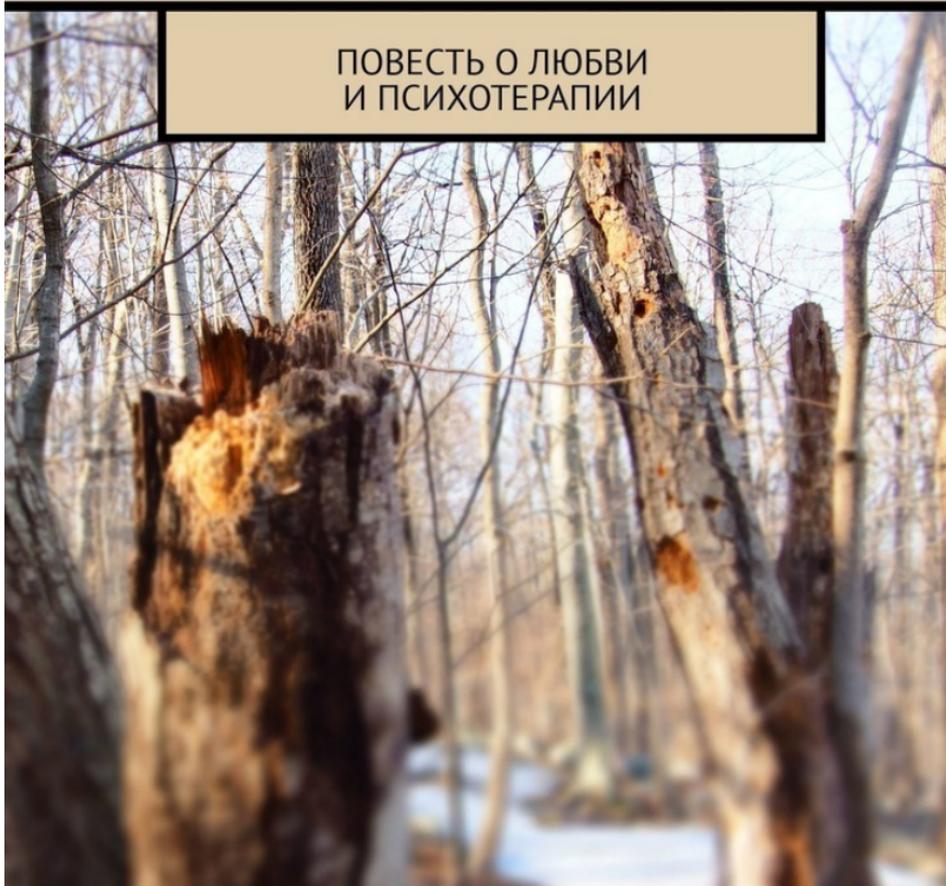

ТИМОФЕЙ КОВАЛЬКОВ

Пассажир декабря

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ
И ПСИХОТЕРАПИИ

Тимофей Ковальков
Пассажир декабря. Повесть
о любви и психотерапии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830366
ISBN 9785449645562*

Аннотация

О любви и психотерапии далеко еще не все сказано... И снова автор удивляет нас неожиданными поворотами сюжета. Поражает так, что мы остаемся в трансе с открытыми глазами и прерванным дыханием на все время чтения повести-триллера «Пассажир декабря». В сборник вошли также избранные стихи автора.

Содержание

Пассажир декабря	5
Пролог	5
Такси	10
Океан	16
Отель	20
Фея	27
Звонки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пассажир декабря Повесть о любви и психотерапии

Тимофей Ковальков

© Тимофей Ковальков, 2020

ISBN 978-5-4496-4556-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пассажир декабря

повесть о любви и психотерапии

Задача психотерапии так или иначе неизбежно включает прохождение через страдание, если речь идет о росте человека, поэтому-то столь многие уклоняются от углубляющего диалога со своим путешествием по жизни. Но процесс этот не столь уж страшен или мучителен, как может показаться на первый взгляд, тем более что награда – обновление и расширение горизонтов, если мы того захотим.

Джеймс Холлис

Любовь – это давать то, чего у тебя нет тому, кого ты не знаешь.

Карл Юнг

Пролог

На одном из пляжей Пуэрто-де-ла-Крус на острове Тенерифе, вблизи песчаной отмели, на синем надувном матрасе загорала молодая женщина. Ее открытый белый купальник «Армани» удачно контрастировал с кожей кофейного

оттенка. Голову прикрывала от солнца изящная соломенная шляпка, а глаза защищали темные очки. Пляж пустовал: двести семьи местных жителей и несколько туристов живописно расположились в шезлонгах под зонтиками. Женщина лениво перелистывала журнал *Esquire* и иногда бросала тревожный взгляд поверх очков в сторону берега. Не простудится ли ее малыш, ведь вода в океане еще прохладная? Впрочем, малыш чувствовал себя прекрасно – худенький мальчик с огромными синими глазами и белесыми волосами. Он резвился у кромки воды с другими детьми. Такой бледненький и хрупкий, совсем не похожий на смуглых, чернявых местных детишек.

Молодая мама размышляла, каким языкам имеет смысл обучить мальчика в первую очередь. Сыну исполнилось всего четыре годика, но он уже знал многие русские, английские и испанские слова. Развитый не по годам, он уже умел писать, хотя писал еще с кучей смешных орфографических ошибок по принципу «как слышится, так и пишется». Пожалуй, стоит всё же начать с английского и русского языков. Главное не это. Как хотелось бы, чтобы ее малыш рос в психической гармонии, не налетев в своем развитии на те подводные камни, что ожидают многих и многих взрослых.

Размышляя таким манером, женщина перевернула страницу журнала. На песок выпали несколько детских рисунков, исполненных в той наивной и непосредственной манере, что так привлекает родителей к творчеству своих отпрыс-

ков. На картинках улыбались собаки, топали бегемоты, бегали крокодилы, шли по делам ежи, росли елки, катились машины с включенными фарами, плавали корабли в океане, и везде светило солнце. Ох, какой он еще маленький, ее сын, как долго ему расти, как долго развиваться!

Мальчик почувствовал беспокойный взгляд матери, бросил игру и подбежал к ней.

– Мама, мама, расскажи мне сказку, – попросил он.

– Какую, малыш?

– Не страшную и не про крыс, как в прошлый раз.

– Ну хорошо, слушай, только не перебивай. Жил был крокодил и звали его Каркадил Иванович. Идёт он однажды по берегу мутно-зеленой реки и встречает *каркадила* по имени Крокодил Петрович. – Мама, а кто такой *каркадил*? – спросил сын.

– Есть такой зверь в Африке, он очень похож на крокодила, только немного грустный и полосатый, – ответила мама.

– А почему его так звали – Крокодил Иванович? Разве так можно?

– Его так мама-каркадилиха назвала.

– А, ну тогда ладно, а что было дальше?

– Каркадил сказал: «Кар!», а крокодил сказал: «Дил!», но они решили не драться, а дружить, а заодно скушать банан. Только крокодил совсем запамятовал, что бананов крокодилы не едят, и случайно съел полбанана, и у него заболел животик. Пришлось бедняге сесть на диету и три недели ле-

читься. А диета у крокодила была такая: съел он четырех бегемотов, одного случайно пробежавшего мимо гиппопотама по имени Геннадий Сидорович, двух двугорбых верблюдов и одного одногорбого верблюда, а потом ещё тарелку овсяной каши и маленькую конфетку. И живот у крокодила прошёл. А тем временем Каркадил выпил кефиру и лёг спать. Вот и вся сказка.

– Мама, мама, это плохая сказка, – возмутился мальчик.

– Почему, малыш? – спросила мама.

– В ней совсем нет морали!

– Ну хорошо, будет и мораль. Пока каркадил спал, приснился ему сон, будто бы он пошёл в школу, в первый класс. А там ему говорят: «Расскажи-ка, милый человек, как ты провел лето». Каркадил говорит: «Я много гулял, подружился с крокодилом и потом пил кефир». А ему отвечают: «Ну, этого не может быть, ты нас обманываешь, каркадилов вообще не бывает в природе, это всё выдумки, и ты не пил никакого кефира». А каркадил обиделся и сказал: «Как раз сами вы дураки, вы мне снится, и вас нет!» А потом каркадил проснулся и пошёл в гости к крокодилу, и они сыграли партию в домино. Крокодил Петрович говорит: «Ходи!» А Каркадил Иванович сказал: «Рыба, я выиграл!»

– Мама, мам, хватит придумывать, я пойду купаться.

– Ну хорошо, беги, сынок, только не долго, вода ещё холодная.

Мама приподнялась с матраса, встала на колени и обня-

ла нежно малыша, прижала его к себе и поцеловала в лоб. Довольный мальчик побежал к океану, а женщина прилегла и снова принялась листать журнал.

Такси

Провинциальный актер после летнего отпуска порою забывает свой текст. Вовлеченный в нелепую, далекую от реальной жизни трагикомедию на затемненной сцене, бедняга не знает с чего начать. Он тщетно взывает к суфлеру, заснувшему после вечернего пива в будке и забывшему включить монитор. Какие чувства приходят в такой момент? Страх, стыд, досада, растерянность?

Мне лично было наплевать, что мог испытывать тот актер. Я не испытывал в тот декабрьский вечер ничего. Неужели вы вправду думаете, что субъект с коэффициентом интеллекта 137 живет чувствами? Не более, чем бочка дождевой воды, переполненная мутной, протухшей жидкостью, в которой резвятся инфузории и плавают опавшие листья. Был ли я спокоен? Абсолютно! Я напоминал сам себе глубоководную морскую мину, учуявшую рожками взрывателей приближение вражеского катера. Да, я был чертовски спокоен.

Я ощутил себя вытолкнутым из ниоткуда на темную улицу. Опустошенное и растерянное существо. Забытый на пересадке пассажир. Что принадлежит мне в этом мире? Ничего, ни один атом. Даже тело какое-то не мое. Я ощутил режущее чувство одиночества и усомнился в реальности собственного существования. Я воспринимал все вокруг как эпизод нелепого сериала без начала и конца. Кем я был

в этом сериале на самом деле? Зрителем или актером? Я не знал.

Я совершенно не осознавал, где я сейчас нахожусь, но это меня не пугало. Вопрос заключался в том, куда направиться дальше. Для начала я оглянулся по сторонам, вонзился взглядом в темноту улицы. Пронизывающий холод резал острыми лезвиями по голым ногам сквозь тонкие брюки. Сырая морозная ночь покрыла асфальт и деревья льдом. Под ботинками раздавался неприятный хруст, как будто я давил битое стекло. Ветер остервенело обдувал лицо, мешая вдохнуть. Улица была пустынна, как бывает только перед тусклым зимним рассветом. Наверное, я в Москве? Где же еще можно найти такие многослойные наросты липкой серости? Незнакомый райончик, старый. Кирпичные дома с черными глазницами окон кажутся вымершими. Легкая рыбка курточка нараспашку не только не согревала, но и сама дрожала на ветру каждой чешуйкой. В правой руке у меня зажата пластиковая ручка нелепого оранжевого чемодана на колесиках. С такими чемоданами принято путешествовать на самолетах.

Ага, значит мне предстоит лететь! В минуты прозрения по косвенным признакам наконец понимаешь, чего требует от тебя судьба. Меня начала бить нервная дрожь. Ощупав карманы, я обнаружил три заграничных паспорта и прозрачный пластиковый конвертик. Внутри – билеты и туристический ваучер. Первый паспорт, по-видимому, был мой, хотя

пышная фамилия Пирогов мне не понравилась. Такая фамилия никак не приклеивалась к моему теперешнему состоянию. Я открыл второй паспорт – с размытой фотографии улыбалось красивое и беззащитное женское лицо. Имя и фамилия мне ни о чем не говорили – некая Мария Бах. Судя по счастливому, любящему взгляду – чья-то жена, но вряд ли Пирогова. В третьем паспорте – незнакомый мне Николай Семенов. Что за тип? Во всяком случае, Пирогов, если допустить, что он – это я, пока был явно не в курсе. Загадка природы. Но не это сейчас важно. В кармане куртки лежал телефон с кредиткой, спрятанной в чехле. Определиться бы направлением движения, а там всё наладится, по обыкновению.

Грязноватый автомобиль с шашечками на крыше как по волшебству возник в предрассветной мгле. Старая «девятка», стекло в трещинах, значительный кусок бампера отгрызен силами мирового зла. Я поднял руку, машина остановилась. Водитель приоткрыл дверь, и спросил хриплым голосом, с явной симпатией разглядывая меня:

– Куда едем?

– Знать бы еще, – ответил я как бы в шутку.

– Садись, подвезу, я такси, – гордо произнес водитель.

Чемодан закинули назад, а я с облегчением опустился на переднее сиденье. Когда захлопнули дверцу, в боковой полке загромыхала литровая бутылка «Смирновки». Отпито где-то на треть.

– Ты что, квасишь за рулем? – спросил я.

– Нет, это я так, на случай если прижмет к обочине, – пояснил водитель, – пока покурил только, – добавил он, улыбнувшись, – покурил и поехал себе, а бутылка – если заколбасит.

– И что ты покурил, брат?

– Растения покурил, зеленые растения, – ответил шофер.

Я присмотрелся. Водила одет не по сезону: розовая поношенная пижамка, войлочные тапочки. Лицо небритое, синее, уставшее. Руки в татуировках. Хорош бродяга. Но и пассажир не прост.

– Так куда ждем? – уточнил водила.

– Шарик, терминал «Е», – сказал я хмуро, успев рассмотреть билет.

Такси рвануло по льду, как на крыльях, увозя пассажира со странной фамилией Пирогов. Мне не нравилась эта фамилия, но что делать, если я – пассажир сознания этого Пирогова. «Девятка» мчалась ближе к осевой, пошатываясь в стороны и игнорируя знаки. Скорость увеличивалась. Как бы наше чахлое автомобильное корытце не соскользнуло в сугроб. Утреннее путешествие в Склиф с разбитыми костями меня не прельщало. Засада вампиров в погонах, махавшими полосатыми жезлами, показалась мне желанным избавлением от крушения. Водила выполз из машины и, шлепая тапочками, проковылял к тучным упырям, покрытым инеем.

Оставшись один, я посмотрел на себя в зеркальце и уди-

вился неприличной лохматости длинных черных волос. Расчески не было, пришлось поправить прическу рукой. В сознании из ниоткуда возникла старая детская песенка, придуманная как будто про меня:

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.
Нам весело живётся,
Мы песенку поём,
И в песенке поётся
О том, как мы живём.¹

Водила вернулся без особой задержки.

– Я им так и сказал: хочешь пижаму бери, а больше нету ничего – первый клиент, – радостно сообщил он, подмигнул и добавил, – водяры хлебнешь со мной за компанию, а то меня уже прижало к обочине? Теперь постов уже не будет.

– А то, – сказал я.

Холодненькая «Смирновка» влилась ровно, видимо, не паленая. Дрожь унималась, утро манило меня к себе в объятья, пахнущие свежим дыханием «Гиннесса». Я смутно припоминал приличный бар на втором этаже зоны ожидания вылета. Усилием недремлющего интеллекта пора затвердить порт прибытия. Тенерифе, мать его. Что надо там Пирогову?

¹ Слова Сергея Михалкова.

Спрошу мерзавца позже.

Океан

Ни одна рыба не понимает, что плавает в океане, ни один психотик толком не осознаёт, что живет в психозе. И рыбам, и психотикам необходим взгляд со стороны на ту среду, где они обитают. Рыбами я не занимаюсь – они молчаливы, самодовольны и не носят кредиток в чехлах от смартфонов, а психотиков я приглашаю охотно. Меня зовут Мария, я психотерапевт, и этим я разительно отличаюсь от обычных людей, потому что обычные люди – и есть те самые психотики, даже если не знают об этом. Мир моей клиентуры неисчерпаем, так же как вечная очередь у ворот похоронных агентств. Моя фирма носит символическое название «Океан». Оно означает безграничное пространство психоза, мечущихся человеческих душ и Гольфстрим денежного потока. «Океан» приманивает клиентов старым как мир дискурсом избавления от страданий.

Даже самый мой богатый клиент по сути своей не кто иной, как нищий с протянутой рукой. Взаимоотношения ординарных людей – лишь эмоциональное попрошайничество. Приучившись с детства, каждый выклянчивает у других любовь, понимание, доверие, поддержку. Но в мире психоза, зависимости и духовной нищеты никто не в состоянии дать другому то, чем сам не обладает в достатке. В действие вступает коварный ум, манипулирующий, обманывающий, кон-

тролирующий, добывающийся крошечной власти диктатора над партнером по несчастью. Взаимоотношения преобразуются в клубок запутанных нитей, узелков, состоящих из вины и обиды. Над полем битвы реет лозунг-плакат. На нем нарисовано кровью пациентов лишь одно слово «должен». Пока вам кто-то должен или вы сами должны кому-то в этом мире, вы мой верный клиент и я вас жду на сеанс.

Психотерапевт – не индийский гуру. В профессию приходят обычные люди с улицы – психотики, часто прошедшие трудный жизненный путь. Я – не исключение, скорее наоборот. Мой путь в прошлом – это нескончаемая боль и тоска. Я пережила трудное детство, страстей было так много, что я утонула в них. Я не справлялась с бессилием. Но потом, в один из кризисов, я очнулась, перестала терять себя в заполняющей до краев боли. Я купила в «Икее» платяной шкаф под березу и поместила туда чувства и мысли, выцарапанные из головы, рядом с шикарными вечерними платьями – осколками распутной жизни. Мое настроение – совершенная пустота. Я парю в пространстве, ничто не захватывает свободное сознание.

Мой трюк прост: чтобы исчезнуть, нужно перестать фокусироваться как на внешнем, так и на внутреннем процессе и обратить внимание в центр сознания. Там и спрятана пустота, в пустоте живет океан душ – Бог, туда требуется нырнуть. Но нырнуть нужно не с головой, как обычно, а оставив ум снаружи. Я отсоединяюсь от окружающего мира, от-

соединяюсь от мира мыслей, чувств, и нищий с протянутой рукой исчезает во мне. На самом деле, занудного попрошайки никогда и не было, он лишь снился. Моя сила в умении отсоединяться и вовремя присоединяться, если таков сознательный выбор. Я свободна, отсоединение дает необычайный прилив энергии. Возникает ощущение силы и превосходства.

Я приобретаю практически любую психологическую или эмоциональную форму по необходимости. Мне нужен человек, клиент, требующий, задающий вопросы, направляющий в меня стрелы своих беспокойных мыслей. Тогда я достану из гардероба свои чувства, примерю их, приму нужную форму, нацеплю маску и создам ум. Требуется небольшое усилие, напряжение внутри для конструкции формы. Приходят разные люди, и я приобретаю форму в ответ, по запросу клиента, на время. Это даже приятно – иметь новую форму, ограниченную рамками сеанса. Это и есть тайна и моя профессия – рождаться каждый раз вновь из пустоты и каждый раз по-новому в ответ на запрос клиента.

Я работаю с абсурдными вопросами, ответов на которые нет. Меня используют как сточную канаву отработанной агрессии, загнивших отходов конфликта души. От меня требуют, чтобы я создавала удобные образы. И я принимаю в себя нечистоты ума – это было бы не слишком приятно, если бы мои чувства и мысли управляли мной, а не я ими. Клиенты видят во мне только форму, скроенную по за-

казу. Никто не знает, что я – одинокий океан извечной пустоты. И в то же время я остаюсь женщиной – соблазняющей, обволакивающей, обманывающей, капризной, чувственной, играющей и своенравной. Если вы усматриваете в моей роли хоть малейшее противоречие или двойственность, вы еще не знаете жизни.

Отель

Пирогов очнулся, и я вместе с ним в мятежной голове героя. Положение горизонтальное, полумрак. Душновато, слышен шум дождя за окном, но окна не видно за плотными шторами. Такие могучие шторы бывают только в отелях. По мелким признакам я и понимаю обычно, куда судьба затащила Пирогова. Действительно, серая реальность прорисовалась типовым номером: стеклянный столик, телефон, кровать, шкаф, зеркало. Пирогов встал, зажег лампу, подошел к зеркалу. Тип с исхудавшим лицом, не лишенным, впрочем, искры интеллекта и привлекательности, таранился пронзительным взглядом. Кто он, этот Пирогов? Фигура стройная, немного женственная, белая шелковая рубашечка, нижнего белья, впрочем, не наблюдается. Странно, где бы оно? Похищено силами мирового зла. В кровати нет, в ванне тоже. В чемодане – журнал Esquire, бутылка «Грей гусятины», чешуйчатая рыба куртка и три заграничных паспорта. Все.

Темно-синие брюки из тончайшей шерсти скомканы на полу, рядом стоят изящные лакированные ботинки на небольшом каблучке. Надо бы отхлебнуть из бутылки и поспать. На улицу рано, там вроде дождь. Посмотрев в экран телефона и затвердив могучим интеллектом дату и время, Пирогов отключился, а я перешел тонкую границу наблюдения сна наяву и сна внутри сна Пирогова. Однооб-

разно, скажу я вам.

Очнувшись повторно в полумраке номера, Пирогов потянул рукой смартфон. Устройство намекало: прошло двое суток. Бутылка «Грей гусятины» подтверждала данные аппарата: осталось на доньшке. Вот и поспали. За окном слышен всё такой же шум дождя. Отодвигаю вместе с Пироговым штору – окна нет. Глухая стена, вверху решетка вентиляции. В мире иллюзий даже окна исчезают без предупреждения. Надеваю брюки, приглаживаю рубашечку, поправляю взлохматившуюся прическу, плетусь в холл отеля.

Стеклянные стены холла сигнализируют недвусмысленно – ярчайшее солнце и никакого ливня. Шум воды издаёт мощный фонтан в фойе. Сюрпризик восприятия. Легкой скользящей походкой подхожу с Пироговым к дежурному. Вспоминаю английский.

– Номерок не приглянулся, родной, – говорю на правильном языке.

– Почему же? – интересуется клерк.

– Окон не наблюдаю, в натуре, – сообщает Пирогов вместо меня.

– Сейчас проверим... А, ну да, ну да, – клерк смотрит на Пирогова как на сумасшедшего: испуганно, но в то же время как-то странно заискивающе, – мы вас временно поселили в транзитный номер для персонала, пока готовили люкс. Вы должны были переехать в день приезда, но мы вас не беспокоили по вашей же просьбе.

Переезжаю в люкс – вид на океан. Погода шепчет. Но Пирогова неудержимо тянет в бар. Да и вообще, откуда такая депрессуха у Пирогова? Даже нижнего белья нет. Если я Пирогов, с чего ему пребывать в черной меланхолии? Надо бы прояснить вопросик, когда останемся наедине с мерзавцем.

Повторная ревизия оранжевого чемодана дала положительный результат: в скрытом кармашке в пакетике завернуты пляжные шорты странного покроя, больше похожи на женские, резиновые гламурные тапочки, обтягивающая тонкая маечка с надписью блестками: «Hello World!» и рекламка: «Частная психиатрическая клиника „Океан“, погрузитесь в меня прямо сейчас, телефон».

Фото сногшибательной дамы в строгом костюме, устроившейся кокетливо на подоконнике в луче света. Стройное колено в чулочке прижато к подбородку. Трогательно и пронзительно-детский взгляд черных, как кожа дельфина, глаз сквозь очки. А что? Мне определенно по вкусу эта дама. Я как будто давно ее знаю или недавно видел. После бара можно погрузиться в один из океанов – либо за окном, либо в рекламе.

Пирогов натягивает шортики, сексуальную маечку и спускается в бар. В баре весело. Тяжеловесная расфуфыренная мамаша придавливает пудовой силиконовой грудью мраморную стойку. Зубы акулы, косметика прочными, несмываемыми слоями скрывает истину. Пасынок-недоумок суетится рядом и канючит ломающимся баском: «Ма-а-ам, ма-ам,

мам!». Выпиваем по две-три. Мамаша отрыгивает из себя истории нелегкого быта гламурной акулы-одиночки. Пирогову стыдно: делиться-то нечем, кроме фантазии могучего интеллекта. Но он больше молчит. После шестой от мамыша поступает вопрос с некоторой даже долей сочувствия в голосе.

– Отчего вы так молчаливы, отчего грустите?

– Точно не помню, но предполагаю натурально классику жанра: проблемы с семьей, алкоголизм, психоз, бизнесу капут, диссоциативная fuga, – пояснил я вместо Пирогова, тронутый вниманием.

– Диссоциативная fuga? А что это?

– Когда забываешь напрочь, кто ты, придумываешь себе ложную личность, а она потом раздваивается, – уточняю я, гордясь энциклопедической эрудицией.

– То-то я смотрю, вы странно разговариваете. А кстати, кто вы?

– Пассажир декабря, – отвечаю я, пока Пирогов смакует напиток.

– Оригинально! Слушайте, не парьтесь, летим ко мне в Эмираты, у меня там куча недвижимости, поживете полгодика, развеетесь.

– Нет, я уж лучше назад в Москву, в психиатрическую клинику «Океан».

– А что, стоящая клиника?

– Не в курсе пока, но реклама больно заманчивая. Завтра

позвоню.

На круглый стулик к стойке подгружается новый объект – полненькая жизнерадостная блондинка Евгения в тесноватом купальнике, впившемся в нежную кожу так глубоко, что его надо высверливать взглядом из впадин. Заказывает картины.

– Представляете, – говорит она, – когда мой муж Руслан летел сюда, он умудрился влезть в самолет в одних трусах и носках, еще полотенце повесил, через плечо.

– Ну и что? – говорит мрачно Пирогов. – Вот я просыпаюсь после перелета, смотрю, а на мне нет нижнего белья, и где оно потерялось – тайна. И полотенца тоже нет.

После седьмой разговор закономерным образом сворачивает на философию. Все заказывают текилы с кристаллами соли по краю рюмочек.

– А как вы думаете, инопланетяне существуют? – интересуется Евгения пьяным голосом.

– Естественно, милочка, существуют, даже не сомневайтесь, – отвечает уверенно Пирогов.

– Да? Я что-то ни разу не видела ни одного, ну не считая этих гуманоидов из мэрии. Где же они существуют? – настаивает Евгения.

– Мало ли, кто что не видел. Один мой знакомый не видел вампиров в пополах, а их полно на улицах, стоит только выехать без прав – мгновенно присосутся к венам и начнут пить кровь. Инопланетяне, впрочем, проживают там же, где и всё

остальное. В вашей очаровательной головке, милочка, – поясняет Пирогов.

– Ну, так нечестно. Пусть они существуют в природе, в материи, – не унимается Евгения.

– А ваша головка чем же не годится? Это что – не природа, не материя? Уверяю вас, там самая природа и есть. Да и материя эта – сплошной обман. Матрица вероятностей. Вы, впрочем, квантовую механику когда в последний раз изучали? – иронизирует Пирогов.

– Мой Алешенька изучает, – вмешивается мамаша, поскрипывая силиконом. Она тычет невероятно длинным маникюренными ногтем в пасынка, – Алешенька, расскажи нам, что вы там сейчас проходите в колледже.

– Ну, ма-а-ам, ма-ам, мам! Ма-а-ам! – мычит снова пасынок, пуская слюни по подбородку.

День изливается в бокалы. Вечер подкрадывался на цыпочках. На океан тащиться поздновато, в номер – рановато. Звонкий смех блондинки смешивается со ржанием силиконовой мамашы и нудением семнадцатилетнего пасынка. Под конец вечера соседи по стойке косятся на Пирогова испуганными глазами. Видимо, он сказал что-то не то, я уже не контролирую.

Меланхолия не отпускает Пирогова. Вместе с «Грей гу-сем» булькает внутри Пирогова болотистое, вонючее чувство, что он потерял всё на свете, начиная с самого себя. Одиноко ему без себя, скажу я вам, и присутствие внутрен-

него свидетеля его трагедии в виде Пассажира декабря пока не очень вдохновляет беднягу.

Фея

Я иду по бульвару, и на меня оборачиваются люди. Наверное, сильное биополе чувствуется на расстоянии. Я красивая женщина и люблю одеваться со вкусом. Я могу хотеть, могу не хотеть что угодно. Любить или ненавидеть по собственному выбору, фея нового поколения. Фея – психиатр. Мария из пластилина, принимающая любую заданную форму по заказу клиента и создающая геометрию доверчивой личности пациента по своему образу и подобию. Я иду и напеваю песенку, услышанную в детстве по радио:

Я леплю из пластилина —
Пластилин нежней, чем глина.
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак.
Если кукла выйдет плохо,
Назову её Дурёха,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его Дурак.²

В действительности мне глубоко безразлично, кто вылепился. Главное, чтобы возникла зависимость от терапевтической помощи. Мои куклы-пациенты хромают на обе ножки и получают от меня невидимые психиатрические косты-

² Слова Матвеевой Новеллы

лики для поддержки трясущихся от страха душ. Без регулярных сеансов они попадают из окон своих роскошных квартир от когнитивного диссонанса. А сеансы приносят доход. Так устроен мир. Клиент может догадываться обо всем, но в каждый момент времени перевешивает его иллюзорное стремление обрести внутренний комфорт, насытится моим несуществующим теплом – теплом нарисованного в воображении домашнего очага.

В личных отношениях я деспотична. Я манипулирую партнером, требую от него максимума отдачи эмоций, душевной энергии и, конечно, положительного потока финансов. Взамен я не отдаю ничего. Мне и дать-то нечего, кроме пустоты, даже если бы я сильно желала этого. Ничто не мешает мне требовать внимания, подарков, помощи, исполнения капризов. Я веду себя как заурядная женщина, только более эгоцентричная. Но с клиентом всё иначе. Меня должны считать идеалом, отдающим всю себя для блага больного так, как он захочет. Любая фальшь будет отмечена, я обязана не кривить душой ни грамма. Быть открытой, как книга, благожелательной, как мать, и привязанной, как любящая жена. Это не просто, но мне удастся.

Я угадываю стремления своих пациентов, предоставляю им то, чего именно им не хватает в данный момент. У всех по-разному, индивидуально, но, мне кажется, у меня отлично получается. Знание о клиенте, о его страхах, конфликтах, тайных желаниях появляются во мне из глубины, я их не ищу

и даже и не думаю об этом специально. Просто возникает чувство будто бы присутствия цели рядом, появляется возбуждение, как у охотничьей собаки на запах дичи, и я выжидаю. Потом озарение происходит, и я бросаюсь на жертву, как пантера. Иногда приходится долго, неделями, месяцами выжидать, выслушивать бессмысленный словесный поток, маскироваться, прятаться за фразами, но в конечном итоге клиент раскрывается, и я ныряю в образовавшуюся брешь.

Звонки

Настойчивая вибрация смартфона вырывает сознание Пирогова из черноты. Он открывает слипшиеся глаза, и я начинаю наблюдать. Так-так: могучие шторы, зеркало, столик. Огромный постер с закатом, камышом и песком. Такие вещи в люксах, мать их. Пирогов уже жадно глотает минералку и хватает нервной тонкой рукой вибрирующий аппарат, пока тот не спрыгнул с тумбочки. На экране имя – Юля.

– Алло, – хрипит Пирогов.

– Ты где? – стервозный, визгливый женский голос.

– Здесь...

– Ты улетел?

– Куда? – удивляется Пирогов.

– На Тенерифе, идиот! – снова голос срывается на визг.

– Думаю, да, но сейчас проверю.

Пирогов встает с кровати, раскрывает шторы. Я вижу солнце, океан, гребешки волн, фантастический пляж из черного вулканического песка, искрящегося на солнце, как снег. Серфер катится по волне в сторону скал. Кто эта Юля? Она явно знает Пирогова, а он ни бельмеса. И спросить ее неудобно. Паршивенько.

– Ты что застыл, слонопотам? – голос скатывается на истерику. – Ты не один? С кем ты там? С кем ты улетел? У тебя было два билета, я видела.

– С женой, – отвечает Пирогов, прикинув мощным интеллектom безубыточный ход.

– Завязывай пить, елот! Она мне звонила три дня назад.

– Кто?

– Жена!

– Чья?

– Твоя, дебил. Устроила истерику, что ты ей изменяешь и не только со мной, как оказалось.

– Да, а с кем еще? – удивился я искренне.

– С Лидией, твоей новой плоской мразью, – голос в трубке готов расплакаться.

– Ну, ну, успокойся, это вряд ли правда, – сказал я неуверенно.

– Почему у тебя такой странный голос?

– Какой?

– Как не твой, ты сколько дней пьешь, имбецил?

– Кстати, ты забыла паспорт у меня в кармане, – врет Пирогов, чтобы увести беседу в сторону от неприятной темы.

– Какой паспорт?

– Заграничный.

– Я ничего не забыла, мой паспорт у меня. Как бы я сейчас была в Паттайе, по-твоему? Идиот! Чей у тебя паспорт? С кем ты улетел, кретин?

– Один, не волнуйся так.

– Ты врешь, ты никогда не летаешь один! Это она, опять она...

– Кто?

– Лидия, эта особь, эта пакость с небес, – голос в трубке готов расплакаться.

– Ее тут нет, и паспорт не ее. Какая-то Мария Бах, ты не знаешь, кто это?

– Завязывай пить, идиот! Это твоя жена. Ну ты допился! Я тебя люблю, козла. Пока. Лечись. Целую.

В трубке уже гудки. Мария – жена Пирогова? Не припомню такого. Сейчас не это важно. Надо сказать Пирогову, чтобы нашел зубную щетку перед тем, как он докарабкается в бар. Снова истошно вибрирует смартфон. На экране имя – Николай. Пирогов снимает трубку.

– Ну, ты как? – приятный мужской голос, насыщенный баритон.

– Не очень...

– Колись, с кем ты там? Я, между прочем, волнуюсь!

– Ну, с Юлей, – отвечает Пирогов, а сам думает, с чего бы этому Николаю волноваться за Пирогова.

– Что ты несешь! Она в Паттайе сейчас с ребенком!

– Ну хорошо, не волнуйся!

– Завязывай пить! Я переживаю, между прочем, не спал три ночи, дрянь!

– Ну успокойся...

– Я чувствую, тут не обошлось без Олега...

– Какого еще Олега?

– Не придуривайся! Твоего знаменитого психиатрическо-

го Олега! Клянись, что он тут ни при чем!

– Клянусь!

– Завязывай пить, дрянь!

Короткие гудки. Вот и поговорили. Нижнего белья по-прежнему нет, и зубной щетки не появилось. Мировые силы зла не отрыгивают проглоченные аксессуары из своей пасти. Пирогов натягивает сексуальные женские шортики и маечку. Я смотрю в зеркало на симпатичное, исхудавшее лицо Пирогова с искрой интеллекта в глазах. Он мне начинает нравиться. Снова навязчивая вибрация смартфона. На экране надпись – Океан.

– Алло, – произносит Пирогов уже с испугом.

– Наш вчерашний разговор оказался для меня неожиданно тяжёлым. Во время него я ещё держалась, а потом нет. Провалилась, до сих пор мне нехорошо. Вы ударили по больному, видимо, и я на миг засомневалась в себе, хотя это было нельзя. Это не профессионально. Так сходят с ума. Вы изливали на меня столько ненависти, вы хотели как можно больнее меня задеть.

– Да? – удивляемся мы одновременно с Пироговым.

– В каком-то смысле да. Вы не понимаете, что в отношениях двое. Вы не замечаете во мне женщину.

– Странно... – Пирогов недоумевает, женщин-то он уж всегда замечал.

– В отношениях беспокоятся друг о друге, а вы ни разу не поинтересовались, как я себя чувствую. Значит, я отсут-

ствую для вас как личность. Меня нет в вашей системе координат. Может быть, я для вас как нависающая с неба гигантская плохая мать с крыльшками. Но прогресс несомненен: вы наконец выплеснули ведро тех помоев, которые, видимо, вас затопляют изнутри, ненависти к женщинам. Конечно, виноваты ваши чувства к матери, причем очень архаичные, в них много накопившейся обиды. Сейчас вам должно стать лучше именно из-за этого. Количество агрессии внутри вас снизилось, часть ее излилась на меня. Именно эта ненависть запускала ваш процесс саморазрушения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.